История декабристов в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»

Anna Gumerova

The Story of the Decembrists in F.M. Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov*

Об авторе: Анна Леонидовна ГУМЕРОВА, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории литературы института мировой литературы им. А.М. Горького, Российская академия наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Российская Федерация. Живет в Москве. E-mail: gratia4@yandex.ru

About the author: Anna L. GUMEROVA, PhD in Philology, Senior Researcher of the Theory of Literature Institute of World Literature named after Maxim Gorky, Russian Academy of Sciences, Povarskaia str., 25a, 121069 Moscow, Russian Federation. Lives in Moscow. E-mail: gratia4@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящается поиску возможных отсылок к истории декабристов в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». В романе напрямую упоминаний декабристов нет – в отличие от романа «Бесы» и некоторых глав «Дневника писателя», а также различных черновых материалов у Ф.М. Достоевского. Тем не менее по ряду аллюзий – например, по упоминанию двадцать шестого года в рассказе о поединке будущего старца Зосимы – можно предположить, что эта тема появляется и имеет определенную функцию в романе. Особенно следует отметить возможные аллюзии на биографию декабриста Михаила Фонвизина, мужа Натальи Фонвизиной, которая играла такую важную роль в формировании мировоззрения Достоевского, а также связь темы декабристов с эпиграфом к роману.

Ключевые слова: декабристы, «Братья Карамазовы», Наталья Фонвизина, аллюзия, старец Зосима.

Abstract. The article searches for possible allusions to the Decembrists in F.M. Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov*. The novel does not mention the Decembrists directly (compared to *Demons*, a few chapters of *A Writer's Diary* and also some Dostoevsky's drafts). Nevertheless, some hints, for example, Zosima's mentioning the year 1826 in his story, give us grounds to suppose that this theme appears and plays its role in the novel. It is especially important to note some possible allusions to the Decembrist Mikhail Fonvisin's biography (he was the husband of Natalia Fonvisina, who played such an important role in Dostoevsky's view of life) and also the connection between this theme and the epigraph to the novel.

Key words: Decembrists, *The Brothers Karamazov*, Natalia Fonvisina, allusion, Father Zosima.

Тема декабристов у Достоевского изучалась достаточно подробно – к тому же нельзя сказать, что Достоевский часто обращается к этой тематике, так что она вполне исчерпаема. Так, например, о декабристах есть упоминание в романе «Бесы» и в черновиковых записях к «Бесам»¹; есть высказывания о декабристах в подготовительных материалах к Дневнику писателя, достаточно резкие, но отчасти сочувственные², и собственно главы из «Дневника писателя» – например, во второй части третьей главы января 1876 года – «Спиризм. Нечто о чертях. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти» есть короткое упоминание: «хотелось поговорить о литературе, о декабристах и еще на пятнадцать тем по крайней мере» [Достоевский 1972–1990: XXII, 32] и короткое перечисление тех декабристов, которые в 1876 году еще живы. В Дневнике писателя за 1877 год есть статья «Старина о Петрашевцах», о которой я скажу ниже.

Есть также очень интересное упоминание о декабристах в Записной тетради (1872–1875 гг.): «Смотреть же на декабристов и нигилистов как на мелкие случаи – глупо.

Не все желающие в Сибирь и на виселицу восполнили число: многие и остались. Русские европейцы неминуемо атеисты, пока оторваны от народа. Это самое существенное и важное последствие реформы Петра» [Достоевский 1972–1990: XXI, 266]. В этой записи особенно интересно то, что здесь появляется отсылка на слова из шестой главы Откровения Иоанна Богослова: «И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. <...> И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число» (Откр 6: 11), и эти же слова упоминаются в речи Великого Инквизитора: «Знай, что и я был в пустыне, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлял свободу, которою ты благословил людей, и я готовился стать в число избранных твоих, в число могучих и сильных с жаждой “восполнить число”» [Достоевский 1972–1990: XIV, 237].

¹ См. об этом, например, комментарии к «Бесам» Достоевского Будановой Н.Ф., Орнатской Т.И., Сухачева Н.Л., Туниманова В.А. в собрании сочинений Достоевского в 15-ти томах: [Достоевский 1990].

² «Смерть последнего декабриста Лачинова. Нет, еще их есть довольно. Ведут <себя> с достоинством, не жалуются.

Что мы наследовали? Мы деятели, но мы наследовали полное непонимание народа и непрактичность в делах. Ну вот декабристы. Совершенное непонимание народа. А Пушкин писал: “по манию царя” еще до декабристов и понимал, в чем дело.

О декабристах.

Un homme heureux qui n’a pas l’air content» [Достоевский 1972–1990: XXII, 143]. Параллели к этим словам тоже отчасти появятся в романе «Братья Карамазовы», как я покажу ниже.

Однако особенно подробно, по достаточно очевидным причинам, изучается знакомство Достоевского с Фонвизиной и Анненковой: отзвуки их посещения петрашевцев на каторге в произведениях Достоевского, переданное ими Евангелие и его роль в дальнейшем творчестве Достоевского, знаменитое письмо Достоевского Фонвизиной с его «символом веры»³ – и то письмо самой Фонвизиной, на которое Достоевский отвечал – оно впервые опубликовано С. Кайдаш в статье «Достоевский и Фонвизина» в 1981 году [Кайдаш 1981], а из новых публикаций на эту тему есть статья Е.Г. Новиковой ««Христос вне истины» и «Истина вне Христа»: Ф.М. Достоевский и Н.Д. Фонвизина» [Новикова].

В романе «Братья Карамазовы», в отличие от «Бесов», напрямую о декабристах не упоминается. Однако есть несколько фраз, которые тем не менее можно воспринять как аллюзию к истории декабристов – и при таком прочтении у известных эпизодов романа появится дополнительный смысл, связанный и с эпиграфом к роману.

Одним из ярких примеров такой аллюзии можно назвать фразу из книги «Русский инок», рассказ старца Зосимы про поединок с супругом его возлюбленной. Приведу полностью цитату.

«Выждал я время и раз в большом обществе удалось мне вдруг “соперника” моего оскорбить будто бы из-за самой посторонней причины, подсмеяться над одним мнением его об одном важном тогда событии, – **в двадцать шестом году дело было**, – и подсмеяться, говорили люди, удалось остроумно и ловко» [Достоевский 1972–1990: XIV, 269]. Заметим

³ Подробный анализ этого письма Достоевского можно видеть, например, в книге К.А. Степаняна «Явление и диалог», в главе «Человек в свете “реализма в высшем смысле”: теодицея и антропология Достоевского» [Степанян 2010: 137–144]. Между прочим, исследователь, говоря о письме Фонвизиной, очень точно отмечает: «В целом письмо это могло пробудить у Достоевского память о докаторжных годах, революционных настроениях и метафизических искушениях той поры» [Степанян 2010: 138]. Однако само письмо Фонвизиной содержит некоторые политические намеки, в том числе и на собственно декабристов – «Жаль только бедных братьев моих, которые хотели вразумить мою матушку и терпели прежде и теперь терпят от этого. Но все же я за них рада – за всех поэтов, и перенесла любовь мою да еще на меньших братьев, которые хотя и не понимают еще ничего, но страдают, бедняжки, жестоко от ее любимцев и балованных слуг» [цит. по Кайдаш 1981: 312]. По объяснению С. Кайдаш: «В письме Фонвизиной очевидны приемы тайнописи <...> Под “братьями”, “поэтами” разумеет декабристов, “меньшими братьями” называет крепостных крестьян» [Кайдаш 1981: 311]. То есть в общем контексте письма Фонвизиной и ответного письма Достоевского, таким образом, совмещаются все эти темы – декабристов, крепостных крестьян, петрашевцев, юношеских настроений и искушений Достоевского, поиска истины и истины во Христе. К.А. Степанян указывает, цитируя слова Шатова Ставрогину, что «дилемма из письма Фонвизиной была повторена Достоевским спустя почти двадцать лет, в романе “Бесы” [Степанян 2010: 143]. В данной статье я предполагаю, что темы письма Фонвизиной и ответа Достоевского так или иначе появляются и в романе «Братья Карамазовы», то есть более чем через двадцать пять лет.

эту фразу – «будто бы из-за самой посторонней причины», при этом само «важное событие» не называется, дается намеком, и это само по себе заставляет быть внимательным, исходя из особенностей творческого метода Достоевского. Подразумевается событие, о котором слушатели старца Зосимы должны вспомнить, поэтому указания на время «важного события» – «в двадцать шестом году» достаточно, и старец Зосима уверен, что его поймут правильно. И сказано не просто «из-за самой посторонней причины», а **«будто бы из-за самой посторонней причины»** – то есть, если читать буквально, получается, что причина на самом деле не посторонняя, а только кажется таковой⁴.

Итак, как мы узнаем, действие этого эпизода относится к двадцать шестому году⁵. В двадцать шестом году в России происходит достаточно известное событие – процесс следствия и суда над декабристами. Замечу, что разговор, описанный в главах «Из жития <...> старца Зосимы», состоялся в июне 1826 года, и можно предположить, что речь идет, скорее всего, не о смерти Александра Первого и восшествии на престол Николая Первого, не о собственно восстании (то есть не о том, что было в конце двадцать пятого и самом начале двадцать шестого года), а именно о суде, который уже близился к финалу.

В 1862–1863 годах Герцен издает «Записки декабристов» – в первом выпуске помещены воспоминания Якушкина, во втором – «Записки» Трубецкого, «14 декабря» Пущина и «Белая церковь» Вадковского. Очевидно, Достоевский мог быть знаком с этими произведениями. О Якушкине он упоминает в уже цитированной «Записной тетради»: «Декабрист Якушкин – искреннейший человек» [Достоевский 1972–1990: XXI, 270]. Особенно для данной темы интересны воспоминания Якушкина и Трубецкого, где события двадцать пятого и лета двадцать шестого года описаны подробно, с указаниями на точные даты. Нельзя исключать и возможность устных рассказов – так, Достоевскому о событиях суда и следствия над декабристами могла рассказывать Наталья Фонвизина. А персонажи романа «Братья Карамазовы», то есть будущий старец Зосима и его соперник, могли читать о следствии и суде, например, в «Русском инва-

⁴ В «Братьях Карамазовых» несколько раз используется этот прием. Так, например, в главе «Бунт. Великий инквизитор» Алеша говорит Ивану – «Поэма твоя есть хвала Иисусу, а не хула... как ты хотел того» [Достоевский 1972–1990: XIV, 237] – и из этой реплики непонятно, чего же на самом деле, по мнению Алеши, хотел Иван.

⁵ Время событий дуэли Зиновия, будущего старца Зосимы, уже отмечали, проводя параллель с житием святителя Игнатия Брянчанинова. «В двадцать шестом году дело было» – действительно, Дмитрий Брянчанинов, будущий святитель Игнатий, уходит в отставку и готовится уйти в монастырь в 1826 году. Я думаю, впрочем, что у одного сюжетного хода может быть более одного источника.

лиде», где все писалось достаточно подробно, хотя, разумеется, отчасти с другой точки зрения, чем в «Записках декабристов» – и, в общем, было о чем и спорить.

Какую позицию относительно этого «известного тогда события» заняли Зиновий и безымянный помещик, читателю остается неизвестным. Можно предположить, что более молодой Зиновий скорее склонялся к симпатии декабристам, а помещик – наоборот, однако могло быть и ровно противоположным образом. В любом случае формальным – или, может быть, даже не вполне формальным – поводом для их поединка становится тема суда и следствия над декабристами. Тема суда очень важна для романа «Братья Карамазовы» – так, в «Великом инквизиторе», книге, в определенном смысле параллельной «Русскому инок», основная тема поэмы – суд над Христом, а завершается роман судом над Дмитрием. В главе же «Из бесед и поучений старца Зосимы» одно из поучений называется «Можно ли быть судьей себе подобных».

Если относительно спора с помещиком есть указание только на год, то, говоря о времени поединка, старец говорит точнее – «был в исходе июнь» [Достоевский 1972–1990: XIV, 270]. Именно в конце июня дело декабристов – о чем говорится и в вышеупомянутых мемуарах Якушкина и Трубецкого – было передано в Уголовный суд, однако приговора еще не было. Между прочим можно предположить, что это одна из возможных тем спора – каким может быть приговор декабристам.

Однако интересно и другое. В уже упомянутой главе «Из бесед и поучений старца Зосимы», в поучении «Нечто о господах и слугах и о том, возможно ли господам и слугам стать взаимно по духу братьями» старец вспоминает такие свои слова, сказанные им уже после несостоявшегося поединка, но еще в ожидании отставки, то есть все в том же двадцать шестом году:

А про слуг прибавлю следующее: сердился я прежде, юношею, на слуг много: **«кухарка** горячо подала, денщик платье не вычистил». Но озарила меня тогда вдруг мысль моего милого брата, которую слышал от него в детстве моем: «стою ли я того и весь-то, чтобы мне другой служил, а чтоб я, за нищету и темноту его, им помыкал?» И подивился я тогда же, сколь самые простые мысли, воочию ясные, поздно появляются в уме нашем. Без слуг невозможно в миру, но так сделай, чтобы был у тебя твой слуга свободнее духом, чем если бы был не слугой. И почему я не могу быть слугою слуге моему и так, чтоб он даже видел это, и уж безо всякой гордости с моей стороны, а с его, неверия? Почему не быть слуге моему как бы мне родным, так что приму его наконец в семью свою и возрадуюсь сему? <...> Стал я тогда, еще в офицерском мундире, после поединка моего, говорить про слуг в об-

ществе, и все-то, помню, на меня дивились: **«что же нам, говорят, посадить слугу на диван да ему чай подносить?»** А я тогда им в ответ: «почему же и не так, хотя бы только иногда». Все тогда засмеялись. Вопрос их был легкомысленный, а ответ мой неясный, но мыслю, что была в нем и некая правда» [Достоевский 1972–1990: XIV, 287–288].

Почему и эта мысль старца Зосимы может быть тоже связана с темой декабристов? В январе 1877 года (то есть незадолго до начала работы над романом «Братья Карамазовы»), в «Дневнике писателя», во второй главе, в статье «Старина о “Петрашевцах”» Достоевский цитирует такие слова из статьи о петрашевцах в «Петербургской газете»:

Между прочим, в статье этой выписаны были из сочинения г-на Стронина «Политика как наука» несколько превосходных строк, которые я приведу здесь целиком. Это совет молодежи, идущей «в народ»: «Вместо того, чтоб идти в народ, пользуйтесь случаем, он сам придет к вам. У вас есть прислуга, есть **кухарка**, есть горничная, кучер, лакей, дворник. Если вам хочется быть демократом, **посадите их с собою за свой стол, за свой чай**, введите их в семейную жизнь вашу. Вместо того, чтобы говорить им, что нет Бога и что есть прокламация, как начинает поучать всякий глупый либерал, скажите им лучше, что есть сложение и вычитание, что есть грамота и азбука. А между тем будьте с вашими учениками честны, внимательны, серьезные и не фамильярны, и вообще подайте пример добрых или по крайней мере лучших нравов» [Достоевский 1972–1990: XXV, 24].

Возможно предположить в словах старца Зосимы если и не прямую цитату, то отсылку к этим словам. К тому же в статье, которую цитирует Достоевский, речь идет в том числе о сопоставлении петрашевцев с декабристами, и в своей ответной статье в «Дневнике писателя» Достоевский подробно развивает эту мысль, отчасти опровергая статью «Петербургской газеты», но именно с вышеприведенными словами – соглашаясь. Это еще раз показывает, что для Достоевского было естественно связать эту идею – ввести слуг в семью, подавать им чай, вести себя по отношению к слугам определенным образом – с темой декабристов, поскольку незадолго до этого в «Дневнике писателя» у него уже была статья, где эти темы сопоставлялись.

Сразу после поединка Зиновий объявляет о своей отставке и ждет ее месяц: «и потом весь-то этот месяц, пока отставка не вышла, точно на руках меня носят» [Достоевский 1972–1990: XIV, 272]. Именно в этот месяц – то есть от конца июня до конца июля двадцать шестого года – декабристам выносят приговор, затем происходит казнь – для Достоевского, как для человека, прошедшего ожидание казни, это, конечно, не могло не быть значимо – самый момент приговора к смерти и казни, как мы знаем из его творчества и воспоминаний. И в это время

к будущему старцу приходит Таинственный посетитель с покаянием в человекоубийстве.

О сходстве между историей Таинственного посетителя и историей убийства Федора Павловича уже писали исследователи и неоднократно – так, например, Николай Вильмонт в книге «Достоевский и Шиллер» [Вильмонт: 214] предполагает, что сюжет романа мог завершиться в соответствии с финалом этой вставной новеллы – то есть покаянием настоящего убийцы и очищением заподозренного Дмитрия.

Разговоры с Таинственным посетителем – одно из самых ударных мест в романе, и именно в этих разговорах второй раз появляются слова из эпиграфа (в первый раз их тоже произносит старец Зосима по отношению к Дмитрию Карамазову, в начале книги «Русский инок» [Достоевский 1972–1990: XXV, 259]:

«Взял я тут со стола Евангелие, русский перевод, и показал ему от Иоанна, глава XII, стих 24: “Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода”. Я этот стих только что прочел перед его приходом» [Достоевский 1972–1990: XIV, 281]. «Евангелие, русский перевод», который читает старец Зосима – это, скорее всего, тот же перевод и издание, которое Достоевскому на каторгу приносит Наталья Фонвизина – потому что другого с 1823 по 1860 просто не было (очень маловероятно, что это было издание Четвероевангелия 1819 года). Замечу, что вокруг казни декабристов почти сразу появляется контекст «то, что посеяно, то взойдет» – эта фраза приписывается Павлу Пестелю перед казнью⁶, и появляется в стихотворении «Декабристам» неизвестного автора, напечатанном в «Полярной Звезде» в 1858 году: «Но вы погибли не напрасно: всё, что посеяли, взойдет; чего желали вы так страстно, всё, всё исполнится, придет!» [Полярная звезда: 274].

Таинственный посетитель начинает посещать будущего старца почти сразу после истории с поединком. То есть, если продолжать хронологическое сопоставление, примерно в то же время, когда в Петербурге происходит вынесение приговоров и казнь декабристов. Замечу, что свое признание Таинственный посетитель называет казнью: “И вдруг возненавидел тебя до того, что едва сердце вынесло. «Теперь, думаю, он единый связал меня, и судия мой, не могу уже отказаться от завтрашней казни моей, ибо он всё знает»» [Достоевский 1972–1990: XIV, 283]. И в словах старца Зосимы чуть ранее появляется это же слово: «Я молчу, да и рад в душе, ибо узрел несомненную милость Божию к восставшему на себя и казнившему себя» [Достоевский 1972–1990: XIV, 282].

То, о чем я говорила выше, можно было счесть аллюзией на историю следствия над декабристами в общем. Однако в финале главы «Таинственный посети-

⁶ Об этом упоминает О. Киянская в книге о Пестеле [Киянская: 182].

тель» появляется указание, которое уже можно назвать намеком или аллюзией на биографию определенного декабриста.

Глава заканчивается так: «Но я замолчал и вскорости из города совсем выбыл, а через пять месяцев удостоился Господом Богом стать на путь твердый и благолепный, благословляя перст невидимый, мне столь явно сей путь указавший. А многострадального раба Божия Михаила памятью в молитвах моих и до сего дня на каждый день» [Достоевский 1972–1990: XIV, 283]. Это единственный случай, где Таинственный посетитель называется по имени, последний, где о нем упоминается, – и фраза ударная, так как завершает главу. Заметим, что в каком-то смысле перед нами тот же прием, что и с упоминанием «двадцать шестого года» – персонаж называется по имени как бы случайно, в последний момент, в конце главы «Из жития <...> старца Зосимы».

Достоевский дружил с Натальей Фонвизиной, женой декабриста Фонвизина (об этом хочу особенно отметить уже упомянутые работы С.Н. Кайдаш и Е.Г. Новиковой, где про встречу Достоевского и Фонвизиной и про то немного, что осталось от их переписки, рассказано очень подробно). Имя Фонвизина – Михаил. Таинственный посетитель открывается в своем преступлении на день своего рождения [Достоевский 1972–1990: XIV, 281], и это происходит приблизительно в середине августа все того же двадцать шестого года, поскольку от конца июня, времени несостоявшегося поединка, проходит примерно полтора месяца – месяц от знакомства Таинственного посетителя с Зосимой до его признания старцу Зосиме и две недели от признания до того, как он решается объявить о своем давнем преступлении. День рождения Михаила Фонвизина – 20 августа, а 22 августа 1826 года ему, как и многим другим, был смягчен приговор – двенадцать лет каторги заменили на восемь (можно представить, что Наталья Фонвизина могла вспомнить, если бы писала или разговаривала об этом с Достоевским, такой эмоционально значимый факт – смягчение приговора почти в день рождения). Михаил Фонвизин был отправлен на каторгу в январе 1827 года – то есть примерно тогда же, когда будущий Зиновий, видимо, уходит в монастырь – «через пять месяцев» после смерти Таинственного посетителя, т.е. в начале января [Достоевский 1972–1990: XIV, 283]. Михаилом же звали и младшего сына Фонвизиных, а старший их сын – замечу, что его звали Дмитрием, он носит то же имя, что и старший из братьев Карамазовых – тоже был петрашевцем, но не проходил по делу Петрашевского, так как по состоянию здоровья был отправлен родственниками в Одессу и там умер от чахотки⁷ – в определенном смысле здесь есть сходство с судьбой

⁷ См. об этом в статье С. Кайдаш «Пушкин и Фонвизина»: «В 1850 году, когда в тобольский острог привезли сосланных петрашевцев, в том числе Ф. М. Достоевского и С. Ф. Дурова, Фонвизины узнали страшную новость: их старший сын Дмитрий, студент Московского университета, также принадлежал к этому кружку. Наталья Дмитриевна виделась в остроге с Петрашевским, Достоевским и Дуровым, много помогла им, но тревога и беспокойство за сына были для Фонви-

Таинственного посетителя. «Но делу сему опять не суждено было завершиться. Дней через пять все узнали, что страдалец заболел и что опасаются за жизнь его <...> Через неделю он помер» [Достоевский 1972–1990: XIV, 282–283].

Для того, чтобы однозначно говорить, какую именно роль играет история декабристов и следствия над декабристами в романе «Братья Карамазовы», конечно, надо более внимательно изучать весь текст романа. Однако, мне кажется, сказанного достаточно для того, чтобы увидеть – и история старца Зосимы, и важные для романа «Братья Карамазовы» темы суда, человекоубийства, вины, покаяния, казни – так или иначе связываются в романе Достоевского с историей декабристов. Причем – и это важно отметить – на первый план выходит тема раскаяния. Раскаивается будущий старец в том, что хотел убить мужа своей возлюбленной, раскаивается Таинственный посетитель в том, что убил свою возлюбленную, и для обоих это раскаяние оказывается личным подвигом и путем к спасению. Достоевский не меняет своего отношения к декабристам как к политическому движению – во всяком случае, на это нет никаких указаний в тексте «Братьев Карамазовых», – но тем не менее аллюзии на историю декабристов появляются в двух историях о совершенном или планируемом человекоубийстве и покаянии.

Возможно, именно в связи с подвигом и покаянием особенно важно, что аллюзии возникают не столько на историю декабристов вообще, сколько на биографию одного декабриста – Михаила Фонвизина. Наталья Фонвизина оказала весьма значительное влияние на убеждения Достоевского – и, что особенно важно, именно она подарила Достоевскому то Евангелие, где он отмечает слова, ставшие эпиграфом романа «Братья Карамазовы» – те же слова, которые старец Зосима показывает Таинственному посетителю, носящему то же имя, что и декабрист Фонвизин.

Список литературы

1. Вильмонт Н.Н. Достоевский и Шиллер. М.: Советский писатель, 1984.
2. Достоевский Ф.М. Бесы. Комментарии // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. Т. 7.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Л.: Наука, 1972–1990.
4. Кайдаш С. Достоевский и Фонвизина // Вопросы литературы. 1981. № 5. С. 307–313.
5. Кайдаш С. Пушкин и Фонвизина // Кайдаш С. Сила слабых. Женщины в истории России (XI–XIX вв.) М., Советская Россия, 1989. С. 203–227.
6. Киянская О.А. Пестель. М., Молодая гвардия, 2005.

зиных мучительны. Дмитрий Фонвизин случайно избежал ареста, так как уехал лечиться на юг, хотя бумаги об его аресте уже были подписаны. В октябре 1850 года он скончался. Через год умер и его брат Михаил» [Кайдаш: 215–216]. Интересно, что слова Таинственного посетителя – «А дети хоть не лишатся дворянства и имения, – но дети варнака, и навек <...> А расстаться-то с ними, оставить навеки?» [Достоевский 1972–1990: XIV, 279] отчасти пересекаются с судьбой сыновей Фонвизиных – ни Дмитрий, ни Михаил Фонвизины не дожили до амнистии отца.

7. Новикова Е.Г. «Христос вне истины» и «Истина вне Христа»: Ф.М. Достоевский и Н.Д. Фонвизина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. 3(29). С. 143–152.
8. Полярная звезда на 1858 год. Книжка четвертая. Лондон, Вольная русская типография. 1858.
9. Степанян К.А. Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского. СПб.: Крига, 2010.

References

1. *Dostoevskiy F.M. Besy. Kommentarii // Dostoevskiy F.M. Sobranie sochinenij v 15-ti tomah [Dostoevskiy F.M. The Devils. Commentaries // Dostoevskiy F.M. Works in 15 vls. (In Russ.)]. V. 7. Leningrad, Nauka, 1990. P. 673–846.*
2. *Dostoevsky F.M. Polnoe sobranie sochinenij v 30-ti tomah [Dostoevsky F.M. Complete Works in 30 vls. (In Russ.)]. Leningrad: Nauka, 1972–1990.*
3. *Kaydash S. Dostoevskiy i Fonvizina [Dostoevsky and Fonvizina (In Russ.)]. Voprosy literatury. 1981. № 5. P. 307–313.*
4. *Kaydash S.N. Poushkin i Fonvizina [Poushkin and Fonvizina] (In Russ.) // Kaydash S.N. Sila slabykh: Zhenshchiny v istorii Rossii (XI–XIX vv.) [Power of the weak: women in the history of Russia (11th–19th centuries)]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1989.*
5. *Kijanskaja O.A. Pestel' [Pestel (In Russ.)]. Moscow, Molodaja gvardija, 2005.*
6. *Novikova E.G. «Hristos vne istiny» i «Istina vne Hrista»: F.M. Dostoevsky i N.D. Fonvizina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija ["Christ beyond Truth" and "Truth beyond Christ": F.M. Dostoevsky and N.D. Fonvizina // Bulletin of Tomsk State University. Philology (In Russ.)]. 2014. 3(29) P. 143–152.*
7. *Poljarnaja zvezda na 1858 god. [The North Star (In Russ.)]. V. 4. London: Vol'naja russkaja tipografija (Free Russian Press), 1858.*
8. *Stepanyan K.A. Javlenie i dialog v romanach F.M. Dostoevskogo [The Epiphany and the Dialog in Dostoevsky's novels (In Russ.)]. St. Petersburg: Kriga, 2010.*
9. *Vil'mont N.N. Dostoevsky i Shiller [Dostoevsky and Schiller (In Russ.)]. Moscow: Sovetskij pisatel', 1984.*